

В рецензируемой работе автор также уделяет отдельное внимание герцогу и герцогине Кембриджским и недавнему рождению наследника, правнука Елизаветы II.

В целом работа Г.С. Остапенко оставляет самое благоприятное впечатление. Автор демонстрирует глубокое знание материала, эрудицию и литературное мастерство. Книга, снабженная большим количеством иллюст-

раций, будет полезна как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей европейской монархии и современными подробностями жизни Букингемского дворца.

Е.А. Суслопарова,
кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета МГУ

K. Schroeder. DER SED-STAAT. GESCHICHTE UND STRUKTUREN DER DDR. München: Bayerische Landeszentrale für politische Bildung, 2013, 1136 S.

К. Шрёдер. ГОСУДАРСТВО СЕПГ. ИСТОРИЯ И СТРУКТУРЫ ГДР. Мюнхен, 2013, 1136 с.

В 2014 г. в Западной Европе торжественно отмечалось 25-летие падения Берлинской стены, ознаменовавшее объединение Германии. К этому событию приурочен выход в свет труда, принадлежащего перу директора Института изучения государства, созданного Социалистической единой партией Германии (СЕПГ), Свободного университета Берлина профессора д-ра К. Шрёдера.

Материал монографии разделен на две части (А и Б): “Историко-политическое развитие Советской зоны оккупации, затем Германской Демократической Республики (ГДР) в 1945–1990 гг.” (с. 1–482) и “Общественные структуры ГДР” (с. 483–946). Таким образом, автор сочетает исторический и политологический анализ истории ГДР.

Главная мысль Шрёдера формулируется на первых страницах книги и сводится к констатации факта, что ГДР как государство было следствием отсутствия консенсуса в германском вопросе между Советским Союзом и западными демократиями. Основную вину за раскол Германии автор возлагает на СССР и лично И.В. Сталина, который “стремился придать легитимность полученным в 1939–1940 гг. территориям и закрепить за собой как можно большее пространство на Западе” (с. 8).

Сталинский СССР стремился к контролю над всей Германией через ее Коммунистическую партию (КПГ). В разделе, посвященном истории КПГ в 1940-е годы, Шрёдер подчеркивает ее подчиненное положение по отношению к ВКП (б) и СССР. Сталину автор приписывает идею создания на базе КПГ “Единой партии рабочего класса” (с. 19). В Советском Союзе были склонны переоценивать реальные возможности германских коммунистов. Автор указывает, что в послевоенной Германии КПГ действовала в соответствии с инструкциями

Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и не являлась самостоятельной политической силой. Этим объясняется отсутствие у партии независимой от СССР политической линии.

Во второй главе первой части Шрёдер акцентирует внимание на различиях политических программ КПГ и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Последние, по мнению автора, имели более четкие и ясные цели построения социалистической системы (с. 25). Социал-демократы в Восточной Германии были настроены радикально, при этом они пользовались поддержкой значительной части населения. Коммунисты же при помощи советских оккупационных властей должны были выполнить основную задачу: взять власть в свои руки. В этих условиях произошло объединение КПГ и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ), оформленное объединительным съездом в апреле 1946 г.

Шрёдер отмечает, что многие восточногерманские социал-демократы оказались заложниками иллюзий, что объединение с коммунистами позволит преодолеть раскол Германии и откроет дорогу для социалистических преобразований. На деле СЕПГ дистанцировалась от СДПГ Западной Германии и стала, по мнению автора, базой для диктатуры советского образца.

СЕПГ была представлена как массовая “партия нового типа”: к сентябрю 1947 г. ее членами были 1,8 млн. немцев. В рамках кампаний по преодолению “социал-демократизма” СЕПГ осуществила чистку рядов и перестройку по советскому образцу. Было создано Политбюро, партийная номенклатура, взяты на вооружение советские принципы демократического централизма (с. 71–72). Вместе с

политикой денацификации восточногерманские коммунисты осуществляли подавление оппозиции. При этом идея однопартийной диктатуры реализована не была.

Ключевой проблемой третьей главы является вопрос создания ГДР в 1949 г. Шрёдер признает, что раскол Германии стал следствием обострения противоречий между державами антигитлеровской коалиции. Но основным виновником такой ситуации автор считает Советский Союз, проводивший блокаду Западного Берлина 1948 г. Конституирование ГДР обеспечивали испытание советской атомной бомбы, старт двухлетнего плана восстановления народного хозяйства в Восточной Германии, создание Совета экономической взаимопомощи. Политику западных демократий, поддержавших создание ФРГ, Шрёдер трактует как ответную реакцию на советский экспансионизм (с. 83).

1949–1960 гг. автор характеризует как время строительства сталинской административно-командной системы в ГДР. В первую очередь, историк акцентирует внимание на создании в 1950 г. восточногерманских спецслужб – Министерства государственной безопасности (МГБ или “штгази”). Смерть Сталина в марте 1953 г. породила надежды на демократизацию, но они не оправдались. Восстание 17 июня 1953 г. было подавлено. Коммунистический режим не претерпел существенных изменений, что вело к нарастающему разочарованию восточных немцев и их массовому исходу в Западную Германию и Западный Берлин: в 1953 г. из ГДР бежало около 519 тыс. чел. (с. 101).

Десятилетие с 1961 по 1971 г. (пятая глава) стало одним из самых насыщенных событиями в истории ГДР: от строительства Берлинской стены до нормализации отношений с ФРГ. Характеризуя “эру Ульбрихта”, Шрёдер пишет: “Интеграция ГДР в советскую империю не давала гарантий ее существования, но зато усиливало зависимость от Советского Союза. На протяжении длительного времени В. Ульбрихт всячески старался избегать тактических или идеологических отклонений от курса СССР. Такая последовательность помогала ему сохраняться как руководителю, но ограничивала его самостоятельность. Но стоило ему проявить в начале 1970-х гг. упорство, как он тут же был смещен по решению советского партийного руководства” (с. 229).

Начало “эры Хонеккера” Шрёдер характеризует как “время надежд” (шестая глава). Новый руководитель ГДР сумел решить ряд международных проблем. В их числе: подписание четырехстороннего соглашения по Западной Берлину, заключение договора об основах

отношений с ФРГ, официальное признание со стороны ряда стран. В то же время, Хонеккер продолжал следовать в кильватере советской внешней политики. Не было сделано реальных шагов в сторону демократизации, что привело к “быстрому концу надежд” (с. 263).

В седьмой главе автор рассматривает “политику сдерживания” внутри ГДР, проводившуюся Хонеккером в 1976–1980 гг. В эти годы ярко проявил себя оппозиционный деятель Р. Хавеман, ратовавший за “демократический социализм” и за третий путь между капитализмом и “сталинским коммунизмом” (с. 281). Критиком слева, выступавшим против концепции реального социализма, был бывший молодежный активист Р. Баро. Автор считает рост оппозиционных настроений показателем того, что режим Хонеккера вступил в стадию “стагнации и кризиса” (с. 297–326).

Падению ГДР и последующей интеграции Восточной Германии в ФРГ посвящены девятая и десятая главы, которые являются ключевыми в книге. Аргументируя свой главный тезис об искусственности режима СЕПГ, Шрёдер обращает особое внимание на роль великих держав, в особенности СССР и советского лидера М.С. Горбачева в событиях 1987–1990 гг., приведших к ликвидации ГДР как государства. С одной стороны, на богатом фактическом материале Шрёдер показывает дистанцирование режима Хонеккера от советской “перестройки” и попытки лидера ГДР сохранить свое государство. С другой, все большее влияние на советское руководство оказывали западные державы и их представители, в частности, президент США Р. Рейган, обратившийся к Горбачеву с популистским призывом снести Берлинскую стену (с. 342).

Ликвидация ГДР характеризуется Шрёдером как закономерное и ожидаемое явление. Историк подчеркивает, что “за короткий промежуток времени с ноября 1989 г. и по конец января 1990 г. СЕПГ потеряла все, что составляло ее сущность” (с. 403). При этом он ограничивается констатацией факта, что на базе СЕПГ была создана Партия демократического социализма (ПДС), которая и до сих пор (под другим названием) действует в рамках уже объединенной ФРГ.

Характеристике СЕПГ и ее структур посвящена вторая часть монографии, в которой Шрёдер подробно рассматривает организацию партийного руководства СЕПГ, партийный аппарат, партноменклатуру, ее контролирующее общество функций.

Автор акцентирует внимание как на сходствах, так и на различиях между советской административно-командной системой и режимом СЕПГ. В частности, характеризуются

взаимоотношения СЕПГ с другими политическими партиями ГДР. При этом автор констатирует, что реальной многопартийности в Восточной Германии не было, и “буржуазные” партии выполняли роль вспомогательных политических объединений в едином с правящей партией блоке.

Центральная тема второй части книги Шрёдера – возникновение и функционирование ведомства “штази” – МГБ ГДР. Основной тезис автора состоит в том, что “штази” занималось не столько вопросами национальной безопасности ГДР, сколько преследованием инакомыслящих и борьбой против бегства граждан ГДР на Запад.

Автор на основе открытых после 1989 г. документов “штази” иллюстрирует тесную связь МГБ и партийного аппарата СЕПГ. Он полагает, что МГБ не может считаться государством в государстве. Задачей МГБ было обслуживание интересов диктатуры СЕПГ. МГБ не имело права следить за членами партийного руководства ГДР. Госбезопасность ГДР работала в тесном контакте с советским КГБ, активно вербовала агентов в Западной Германии.

Однако основное внимание МГБ уделяло борьбе с внутренними врагами. Шрёдер рассматривает Директиву № 1/67, принятую руководством МГБ в июле 1967 г. Этот документ регламентировал мероприятия по борьбе с внутренними врагами, в частности их “изоляция”, “интернирование” и создание “специальных лагерей” для инакомыслящих (с. 594).

Агентами “штази” были подготовлены списки “враждебных элементов”: правозащитников, борцов за защиту окружающей среды, пацифистов, церковных активистов, людей, желающих выехать из ГДР, оппозиционно настроенных марксистов, других лиц, находившихся в оперативной разработке. Предполагалось создание 35 лагерей для 26 тыс. интернированных граждан ГДР. Однако эти планы реализованы не были. Оппозиционное движение в ГДР усиливалось. По данным

“штази”, на 1988 г. к числу “враждебно-настроенных” элементов принадлежало 85 тыс. восточных немцев (с. 595).

“Штази” и весь государственный аппарат ГДР были не в состоянии помешать объединению двух Германий. Шрёдер считает такое развитие событий закономерным; его общий вывод звучит так: “СЕПГ пришла и удерживалась у власти только при поддержке советской армии и гигантского аппарата госбезопасности” (с. 557).

Этот вывод, как и ряд других безапелляционных заключений Шрёдера, представляются дискуссионными. В частности, возникает вопрос, почему так много восточных немцев с ностальгией вспоминают времена ГДР? Чем обусловлено критическое отношение значительной части немцев, как на Востоке, так и на Западе Германии, к германскому единству? Об этом автор размышляет в книге, посвященной объединению Германии в 1990 г.¹

В приложении опубликована обширная подборка документов по истории ГДР, на которые Шрёдер ссылается (с. 947–1048). Схемы, таблицы, графики, карты, фотографии, которыми автор снабдил свое исследование, содержат важную визуальную и статистическую информацию.

Таким образом, мы имеем дело с крупным обобщающим исследованием по истории ГДР. В книге Шрёдера четко расставлены историко-политические акценты, которые, при всей неоднозначности, не оставляют сомнений в обоснованности позиции автора, соответствующей господствующей на Западе точке зрения на историю ГДР.

С.В. Кретинин,
доктор исторических наук,
профессор Воронежского государственного
университета

¹ *Schroeder K. Die veränderte Republik. Deutschland nach Wiedervereinigung. München, 2006.*

J. Leonhard. DIE BÜCHSE DER PANDORA. GESCHICHTE DES ERSTEN WELTKRIEGS. München: Verlag C.H. Beck, 2014, 1157 S.

Й. Леонхард. ЯЩИК ПАНДОРЫ. ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. Мюнхен, 2014, 1157 с.

Сегодня, как и сто лет назад, вершиной творчества профессионального историка считается объемная монография. Капитальный труд, как правило, охватывающий большой период времени – или посвященный одному,

но масштабному и эпохальному событию. Такие исследования в наибольшей степени привлекают внимание как коллег по цеху, так и широкую общественность. В канун 100-летия начала Первой мировой войны вышел в свет